

Д.А. Ситкевич

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ МИГРАЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Статья посвящена миграционным настроениям в республиках Северного Кавказа, которые являются одними из основных российских регионов – миграционных доноров. Цель работы – выявить экономические и социокультурные факторы, влияющие на предпочтения жителей региона в отношении переезда в другой субъект Федерации или другую страну. Гипотезы исследования заключаются в том, что миграционные настроения на Северном Кавказе связаны как с негативными оценками динамики социально-экономического развития региона, так и с культурными факторами: уровнем доверия, традиционалистскими воззрениями, конформизмом.

Для проверки выдвинутых гипотез был проведен репрезентативный телефонный опрос 1419 жителей Дагестана и Кабардино-Балкарии. Результаты построенных на основании полученных данных регрессий показали, что ключевым фактором, влияющим на миграционные настроения, являются социоэкономические показатели, отражающие возможность самореализации в родном регионе. Респонденты, которые хуже оценивают качество образования и институциональной среды в регионе, при контроле на социодемографические показатели более склонны поддерживать отъезд с Северного Кавказа. Кроме того, готовность уехать прямо связана с восприятием карьеры в крупной компании как оптимальной жизненной стратегии, особенно у молодежи. Значимыми и негативно влияющими на миграционные настроения оказались показатели доверия (закрытого социального капитала у пожилых респондентов и открытого – у молодых) и традиционалистских воззрений респондентов,

в то время как как гипотеза о влиянии конформизма и неконформизма респондентов была отвергнута.

Полученные результаты дают лучшее понимание причин миграции жителей Северного Кавказа и позволяют выделить основные возможные направления мер по сдерживанию утечки мозгов и квалифицированной рабочей силы из региона.

Ключевые слова: миграция; миграционные настроения; Северный Кавказ; институциональная среда; социокультурные ценности; мотивационная теория

Для цитирования: Ситкевич Д.А. Экономические и социокультурные факторы миграционных настроений жителей Северного Кавказа // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 2 (118). – С. 144–170. DOI: 10.15372/REG20230206.

Проблема миграции уроженцев национальных республик Северного Кавказа в другие регионы России остается актуальной уже более 30 лет, с начала активных миграционных процессов в регионе. Хотя, как указывает Н.В. Мкртчян [6], качественной статистики в отношении потоков граждан из Северо-Кавказского федерального округа не существует, даже имеющиеся данные позволяют многим экспертам, например М. Кудаевой и И. Редозубову [4], говорить о Северном Кавказе как о регионе – доноре мигрантов. Причина миграции – сохраняющийся в регионе естественный прирост населения при низком уровне экономического развития и высоком (по сравнению с другими субъектами Федерации) уровне безработицы. Подобная ситуация побуждает российские власти даже формировать программы привлечения мигрантов с Северного Кавказа в регионы с недостатком работников. Так, в июле 2022 г. Минтруд предлагал начать выплачивать им «подъемные» деньги в размере более 100 тыс. руб.¹ Утечка мозгов и квалифицированной рабочей силы при этом является существенным барьером для развития региона.

¹ URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/07/18/931911-mintrud-doplachivat-pereezd-natsionalnih>.

Вопросу о том, какие факторы влияют на готовность жителей республик Северного Кавказа переехать в другой регион, обычно уделяется не так много внимания. Большинство работ на тему миграции в целом и миграции северокавказцев в частности посвящено стратегиям адаптации приехавших в новом обществе, а в качестве причин для отъезда авторы указывают различия в потенциальном уровне дохода на Северном Кавказе и в российских мегаполисах, а также в уровне безопасности [10]. В отдельных работах отмечается влияние таких причин, как наличие на новом месте жительства родственных связей [2] и преследования в родном регионе [17]. Однако, как будет далее показано в обзоре литературы, это далеко не единственные факторы, от которых могут зависеть миграционные настроения.

В настоящей работе на основе данных телефонного опроса жителей Республики Дагестан и Кабардино-Балкарской Республики уточнены факторы, влияющие на миграционное поведение жителей Северного Кавказа. Показано, что даже при учете уровня и динамики доходов, а также оценки развития своего региона на предпочтения в отношении миграции оказывают влияние и иные факторы. Так, более готовы мигрировать с Северного Кавказа те, кто при прочих равных ниже оценивает состояние институциональной среды в регионе, а также возможность как накопить, так и реализовать человеческий капитал. Кроме того, на миграционные настроения влияют социокультурные ценности, в особенности закрытый социальный капитал и готовность следовать традициям. При этом, вопреки утверждениям в отдельных работах, на предпочтения относительно переезда не влияют ни воспринимаемый уровень безопасности, ни то, насколько ценностные установки человека совпадают с установками большинства окружающих его людей.

Данная работа построена следующим образом: в первой части представлены теоретические подходы к изучению факторов, влияющих на миграционные настроения, а также сформулированы гипотезы исследования; во второй части описаны методология исследования и использованные данные; третья часть содержит результаты построения эконометрических моделей, которые анализируются в заключительной части статьи.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МИГРАЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ

Базовые работы на тему факторов, влияющих на миграционное поведение, стали появляться в конце 1970-х годов. Так, Р. Селл и Г. Де Йонг [18] предложили «мотивационную теорию» принятия решения о миграции, согласно которой миграционные настроения связаны с теми стимулами и издержками, с которыми сопряжен переезд в другой город. В качестве ключевых факторов принятия решения они выделяют наличие возможности совершить переезд, наличие личных мотивов для переезда (связанных, к примеру, с воссоединением семьи), наличие ожиданий от жизни в новом городе, а также ряд социоэкономических причин. К последним эти авторы относят: то, какие доходы получает человек в своем родном месте жительства и какие он может получать в новом городе; то, насколько у человека состоялась карьера в месте выбытия; наличие тесных связей с родным сообществом; чувство безопасности. Стоит при этом отметить, что данные выводы сделаны на основании построенных авторами теоретических моделей и обзора литературы, количественной же оценки влияния указанных факторов на миграционное поведение в работе не представлено.

Впрочем, стандартные теории, касающиеся принятия решений о миграции, в последние два десятилетия подвергаются критике. Согласно М. Томпсон [19], подобного рода модели в чистом виде не дают ответа на вопрос, почему миграционные потоки с учетом различий в уровне доходов в развитых и развивающихся странах являются достаточно скромными. По ее мнению, культурные факторы (например, наличие «миграционной культуры», в рамках которой в социуме принято уезжать работать в другую страну, или восприятие в национальной культуре понятия «дом») оказывают решающее влияние на готовность человека к переезду. М. Томпсон отмечает существенные различия между странами в «миграционной культуре» и в том, что воспринимается как достойные причины для отъезда. Из-за этого факторы миграционного поведения, важные в одних странах, будут незначимыми в других. Более того, как отмечают М. Чайка, Я. Бияк и Т. Прайк [15], во многих случаях для миграционных решений харак-

терна ориентация на глубоко личные потребности, а сами решения принимаются в условиях высокой неопределенности относительно будущего как в стране выбытия, так и в стране прибытия.

При том что «мотивационная теория» упрощает представление о процессе принятия миграционных решений, существующие эмпирические исследования демонстрируют, что выделенные ею факторы действительно влияют на решения о переезде. Так, в работе Г. Де Йонга [16] на данных из Таиланда показано, что оценка перспективы жизни в своей стране и в чужой стране (насколько там больше зарплаты, выше уровень комфорта, насколько там возможно построить желаемую карьеру) влияет на предпочтения в отношении миграции, причем уровень текущего дохода и уровень образования в данном исследовании оказались незначимыми. Важно и состояние социальных связей: как показало исследование, проведенное в Австралии [14], высокий уровень социального капитала в родной стране негативно влияет на готовность к миграции. Исследование К. Такер и ее коллег [20], основанное на качественных полевых интервью, демонстрирует также роль ожиданий от системы образования: чем они ниже, тем более информанты были готовы уехать в другую страну с целью накопления человеческого капитала.

Существенным фактором также является качество институциональной среды. Как показано в работе Н. Эшби [11], мигранты при выборе места жительства сопоставляют не только уровни дохода, но и то, в какой стране лучше защищены их права и свободы, и поэтому наличие плохо работающих институтов может подтолкнуть их к отъезду в страну с более качественной институциональной средой. Эти предположения подтверждаются и эмпирически: страны, в которых лучше защищены экономические свободы, даже при контроле на уровень дохода более привлекательны для мигрантов. Более того, на решение о миграции может влиять несогласие индивида с существующими в обществе нормами, т.е. миграция выступает реализацией стратегии «выхода» по Хиршману и становится альтернативой протесту [12].

С учетом отмеченного выше влияния «миграционной культуры» на то, как жители страны или региона принимают решение об отъезде,

особый интерес представляют работы о России и Северном Кавказе. Стоит обратить внимание на то, что тема мотивации у кавказцев к отъезду из родного региона в литературе практически не поднимается, чаще анализируется то, как они адаптируются в новой среде. Как отмечалось в начале статьи, основными факторами переезда в данных исследованиях называются неблагоприятная социальная среда на Северном Кавказе, а также наличие родственников в местах переезда.

Более подробно тема факторов миграционного поведения рассмотрена в литературе, посвященной другим регионам. Так, опрос, проведенный в Еврейской автономной области, показал, что респонденты с более высоким уровнем дохода, более престижной работой и «хорошим социально-культурным окружением» [5, с. 135] скорее готовы уехать из региона. Похожее исследование, предпринятое во Владимирской области [7], показало, что менее образованные респонденты, более довольные качеством здравоохранения и работой местных властей, а также те, кто демонстрирует большую приверженность установкам традиционного общества и имеет более крепкие социальные связи, менее склонны думать о переезде в другой регион. Статья Т.Ю. Богомоловой, И.П. Глазыриной и Н.Л. Сидоренко [1] о миграционных настроениях студентов Забайкалья показывает, что ключевым фактором отъезда для респондентов являются невозможность построить успешную карьеру в регионе и невозможность реализовать свой человеческий потенциал. Отдельные исследования фиксируют в качестве фактора миграции неудовлетворенность институциональной средой [8] и качеством образования в своем регионе [3].

На основе обзора литературы можно выдвинуть несколько гипотез о том, от чего зависят миграционные предпочтения жителей Северного Кавказа. Эти гипотезы связаны как с «мотивационной теорией», так и с ее критикой. В большинстве работ отмечается, насколько важны при принятии решения о переезде те условия и возможности, которые доступны человеку в своем регионе. Поэтому первая гипотеза формулируется следующим образом.

Н1: Низкая оценка социально-экономического развития Северного Кавказа оказывает положительное влияние на желание мигрировать из региона.

Вторая гипотеза связана с карьерными перспективами жителей Северного Кавказа. Для данного региона характерна меньшая распространенность крупного бизнеса (в том числе и меньшее присутствие представленных на федеральном уровне корпораций) при широком распространении малого бизнеса и индивидуального предпринимательства [9]. Для тех же, кто не планирует открывать свое дело или идти на госслужбу, а хочет работать в крупной компании, миграция может стать разрешением проблемы.

Н2: Предпочтение крупной компании как оптимальной карьерной траектории оказывает положительное влияние на желание мигрировать из региона.

Третья и четвертая гипотезы связаны с тем, как социокультурные ценности влияют на готовность уезжать в другой город. Хотя имеющаяся литература говорит нам о том, что культура и социальный капитал могут оказывать существенное влияние на принятие решения о переезде, в работах на эту тему преимущественно не делаются поправки на экономическое положение региона и страны выбытия, а также не учитывается северокавказская специфика: низкий уровень обобщенного доверия при больших запасах закрытого социального капитала, наблюдаемого особенно в традиционалистской части общества². Поэтому мы проверим следующие гипотезы.

Н3: Наличие как закрытого, так и открытого социального капитала внутри региона оказывает негативное влияние на желание мигрировать из региона.

Н4: Более традиционалистские воззрения человека оказывают негативное влияние на желание мигрировать из региона.

Пятая гипотеза связана с тем, как общественные воззрения человека влияют на его готовность к отъезду. Хотя имеющиеся исследования говорят о том, что несогласие с доминирующими в обществе взглядами может приводить к желанию мигрировать, возможно, на Кавказе, несмотря на наличие конфликтов в регионе, данный фактор

² Подробнее см.: Ситкевич Д.А. Социальный капитал в модернизирующемся обществе: пример Дагестана // Экономическая социология. – 2021. – Т. 22, № 3. – С. 11–38.

будет не таким значимым. Тем не менее гипотеза сформулирована следующим образом.

H5: Менее конформистские взгляды человека оказывают положительное влияние на желание мигрировать из региона.

ДАННЫЕ И МЕТОДОЛОГИЯ

Для проверки выдвинутых гипотез нами будут использоваться данные социологического исследования, проведенного в октябре 2021 г. Институтом прикладных экономических исследований РАНХиГС³ среди жителей двух национальных республик Северного Кавказа: Дагестана и Кабардино-Балкарии. Исследование проводилось путем телефонного опроса по случайной выборке, репрезентативной по полу, проживанию в городской или сельской местности, а также по принадлежности к одной из трех (18–34 года, 35–54 года, 55 лет и старше) возрастных групп. Всего было опрошено 1419 респондентов: 814 из Дагестана и 605 из Кабардино-Балкарии. Из-за неполноты данных было отброшено 36 наблюдений. Описательная статистика представлена в табл. 1.

Как можно заметить, в половозрастной структуре выборки есть незначительные перекосы. Доля опрошенных мужчин в Дагестане чуть выше, чем доля мужчин в населении республики. Данные по возрастным когортам и долям городского населения также несколько отличаются от официальной статистики. Так, в обеих республиках, согласно Росстату, выше доля сельского населения (55% в Дагестане и 48% в Кабардино-Балкарии) и пожилых граждан. Однако, как отмечает И.В. Стародубовская с коллегами [9], качество статистических данных о численности населения на Северном Кавказе оставляет желать лучшего: в регионе плохо учитываются процессы миграции из сел в города, а также смертность, поэтому различия между выборкой и генеральной совокупностью объяснимы.

Для выявления факторов, влияющих на миграционные настроения, в настоящей работе будет использоваться регрессионный анализ:

³ Автор благодарит И.В. Стародубовскую и Д.М. Рогозину за помощь в разработке опросника и организацию социологического исследования.

Таблица 1

Описательная статистика количественного исследования

Демографическая группа	Доля в выборке в Дагестане, %	Доля в выборке в Кабардино-Балкарии, %
Мужчины	56,76	50,08
Женщины	43,24	49,92
Горожане, жители п.г.т.	61,67	64,63
Сельские жители	37,84	35,21
Респонденты 18–34 лет	35,75	31,07
Респонденты 35–54 лет	43,73	40,83
Респонденты 55 лет и старше	20,52	28,10

Примечание: суммарное количество городских и сельских жителей не равно 100% из-за того, что часть респондентов затруднились ответить на вопрос. Далее не ответившие на вопрос о месте жительства исключены из выборки.

Источник: собственные вычисления автора.

будет построено шесть логит-моделей, в каждой из которой зависимой переменной является показатель *migrate*. Сам показатель *migrate* рассчитывается на основе данных, полученных из ответа на вопрос: «Как вы думаете, чтобы добиться успеха в жизни, молодому человеку лучше остаться или уехать из вашего региона?». Переменная принимает значение 1, если респондент выбрал вариант «лучше остаться», или 0 в остальных случаях. Использование подобной формулировки (а не более прямой, когда респондента спрашивают о том, хочет ли он уехать из своего региона) позволяет более точно выявить именно отношение к миграции как жизненной стратегии, а не готовность самого человека уехать, которая во многом может быть связана с личными (например, семейными) причинами⁴.

Статистика ответов на данный вопрос в двух исследуемых регионах представлена в табл. 2. Большинство респондентов (53,63%)

⁴ Хотя вопрос о том, как семья влияет на миграционное поведение, широко исследуется в научной литературе (см., например, [13]), данная тема выходит за рамки настоящей статьи.

Таблица 2

Статистика ответов на вопрос: «Как вы думаете, чтобы добиться успеха в жизни, молодому человеку лучше остаться или уехать из вашего региона?», %

Вариант ответа	Дагестан	Кабардино-Балкария	Общий итог
Лучше остаться	39,19	34,71	37,28
Лучше уехать	52,21	55,54	53,63
Затрудняюсь ответить	8,60	9,75	9,09

Источник: собственные вычисления автора.

считают, что молодому человеку из региона лучше уехать; лишь 37% полагают, что лучше остаться. При этом значительных различий между двумя регионами нет.

В модели 1 будет проверяться, насколько оценка развития региона влияет на готовность респондента уехать. Для этого будут использоваться данные по ответу на вопрос: «Насколько вы удовлетворены развитием вашего региона за последние пять лет?». Переменная, образованная на базе этого вопроса, принимает значение от 1 до 4 в зависимости от степени удовлетворенности положением дел в регионе (1 – «полностью не удовлетворены», 4 – «полностью удовлетворены»)⁵. Ответ на данный вопрос позволяет оценить, насколько в целом респонденты удовлетворены происходящим в регионе. Также в модель будут добавлены контрольные переменные, связанные с регионом, полом, уровнем образования, статусом занятости, статусом обучения, уровнем дохода, проживанием в городе, возрастом (точнее, возрастной когортой, в которую входит респондент) и изменением доходов. Последняя контрольная переменная была получена с помощью косвенного вопроса о том, какие расходы может себе позволить респондент; при этом использовалась стандартная формулировка российских социологических служб. Более подробная информация о контрольных переменных представлена в табл. 3.

⁵ На этот вопрос 69 респондентов ответили «затрудняюсь ответить», из-за чего их пришлось убрать из выборки.

Таблица 3

Контрольные переменные

Регион	1 – респондент из Дагестана, 0 – респондент из Кабардино-Балкарии
Пол	1 – мужчина, 0 – женщина
Образование	1 – есть высшее образование, 0 – нет высшего образования
Занятость	1 – респондент работает, 0 – респондент не работает
Обучение	1 – респондент учится, 0 – респондент не учится
Доход	1 – «не хватает денег даже на еду», 2 – «денег хватает на еду, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно», 3 – «денег хватает на еду и одежду, но не можем позволить себе покупку товаров длительного пользования», 4 – «денег хватает на еду, одежду и товары длительного пользования, но не можем себе позволить покупку автомобиля, квартиры», 5 – «средств достаточно, чтобы купить все, что считаем нужным»
Город	1 – респондент живет в городе или п.г.т., 0 – респондент живет в селе
Возраст	1 – респонденту 18–34 года, 2 – респонденту 35–54 года, 3 – респонденту больше 55 лет
Изменение доходов	–1 – за последние 3 года доходы семьи уменьшились; 0 – за последние 3 года доходы семьи не изменились; 1 – за последние 3 года доходы семьи увеличились

Источник: собственные вычисления автора.

В модели 2 будет проверяться, насколько иные характеристики социально-экономического развития региона влияют на миграционные настроения. Для этого кроме контрольных переменных в модель будут добавлены показатели, связанные с удовлетворенностью качеством образования, здравоохранения, безопасностью жизни в регионе, карьерными и предпринимательскими возможностями. Данные показатели были получены на основе вопроса, в котором респондентов просили согласиться или не согласиться со следующими высказываниями.

- В регионе, где вы живете, можно дать детям хорошее образование.

- В регионе, где вы живете, можно получить квалифицированную медицинскую помощь.
- В вашем регионе безопасно жить.
- В регионе, где вы живете, квалифицированные специалисты могут найти хорошую работу без связей и взяток.
- В регионе, где вы живете, можно организовать успешный бизнес без связей и взяток.

Значимость или незначимость первых двух переменных будет определяться тем, насколько на миграционные настроения влияет возможность накопить человеческий капитал в регионе, насколько регион безопасен и насколько качественная в нем институциональная среда.

В *модели 3* будет проверено, насколько карьерные предпочтения респондентов влияют на их готовность уехать. Для этого используется вопрос следующего содержания: «Чем бы вы посоветовали заняться молодому человеку в первую очередь, чтобы добиться успеха в жизни: пойти на госслужбу, открыть свой бизнес, устроиться работать к родственнику или устроиться работать в крупную компанию?». Факт выбора любой из четырех обозначенных альтернатив образует бинарную переменную, которая принимает значение 1, если респондент выбрал эту жизненную стратегию, и 0 во всех остальных случаях.

В *моделях 4 и 5*, кроме контрольных переменных добавлены переменные, связанные с социокультурными ценностями жителей Дагестана и Кабардино-Балкарии. В *модели 4* присутствуют показатели обобщенного доверия (показатель основан на вопросе: «Как вы считаете, большинству людей можно или нельзя доверять?»), бондингового социального капитала (основан на готовности согласиться с утверждением: «Лучше работать с друзьями и родственниками»), а также показатель, связанный с наличием традиционных для региона ценностей (основан на готовности согласиться с утверждением: «Молодежь должна слушаться старших и продолжать семейные традиции»).

Модель 5, в свою очередь, содержит в себе показатели, связанные с предпочтениями в сфере общественных отношений. Они получены с помощью вопроса, в котором респондентов просят согласиться или не согласиться со следующими утверждениями.

- Традиции и нормы моего народа очень важны для меня.
- Религиозные нормы очень важны для меня.
- Я чувствую себя человеком современного мира, живу по его нормам и правилам.

Результаты опроса показывают, что с каждым из этих утверждений согласны около 80% опрошенных, а большинство респондентов (61,4%) согласны со всеми тремя. Данная группа респондентов при этом демонстрирует большую удовлетворенность социально-экономическим развитием региона: так, среднее значение показателя удовлетворенности социально-экономическим развитием у нее составляет 2,36 против 2,02 у всех остальных респондентов. Из этого можно предположить, что согласные со всеми тремя высказываниями являются «конформистами» и чувствуют себя в современном северокавказском обществе более комфортно, чем те, кто отрицает либо традиционные нормы, либо религиозные аспекты жизни, либо современный уклад. Поэтому в модель будут добавлены бинарные переменные, описывающие не согласие с традиционными, религиозными ценностями и ценностями модерна, а наоборот, несогласие с ними и противопоставление их доминирующим в обществе настроениям.

Модель 6 будет построена для проверки устойчивости результатов, полученных в моделях 1–5. Для этого в нее помимо контрольных переменных будут добавлены все независимые переменные из предыдущих моделей, которые оказались значимыми. Кроме того, с целью получения более точных данных по отдельным возрастным группам модели 1–6 будут воспроизведены на выборке респондентов 18–34 лет, на выборке респондентов 35–54 лет и на выборке респондентов старше 55 лет.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты оценивания моделей 1–6 представлены в табл. 4. Как видно из регрессии 1, уровень удовлетворенности развитием региона оказывает значимое отрицательное влияние на предпочтение отъезда из региона. Иными словами, даже при контроле на уровень дохода и его динамику (которые, в отличие от утверждений в некоторых

Таблица 4

Модели 1–6 (зависимая переменная – *migrate*)

Независимая переменная	Модели					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Регион	–0,344*** (0,123)	–0,248** (0,124)	–0,139 (0,115)	–0,067 (0,117)	–0,114 (0,116)	–0,281** (0,135)
Пол	–0,257** (0,122)	–0,156 (0,124)	–0,252** (0,115)	–0,056 (0,119)	–0,271** (0,116)	–0,099 (0,135)
Образование	–0,057 (0,123)	–0,025 (0,123)	0,066 (0,116)	0,068 (0,117)	0,042 (0,116)	–0,052 (0,133)
Занятость	0,147 (0,128)	0,091 (0,128)	0,185 (0,121)	0,153 (0,123)	0,163 (0,121)	0,115 (0,138)
Обучение	0,210 (0,300)	0,201 (0,310)	–0,134 (0,286)	–0,011 (0,292)	–0,090 (0,286)	0,271 (0,327)
Доход	–0,257*** (0,065)	–0,202*** (0,065)	–0,327*** (0,065)	–0,301*** (0,061)	–0,307*** (0,060)	–0,182*** (0,070)
Город	0,250** (0,126)	0,184 (0,127)	0,277** (0,119)	0,203* (0,121)	0,262** (0,119)	0,059 (0,137)
Возраст	–0,231*** (0,087)	–0,184** (0,087)	–0,167** (0,082)	–0,028 (0,084)	–0,140* (0,082)	–0,202** (0,099)
Изменение доходов	–0,210** (0,095)	–0,218** (0,096)	–0,323*** (0,090)	–0,340*** (0,091)	–0,313*** (0,090)	–0,212** (0,103)
Удовлетворенность развитием региона	–0,639*** (0,063)					–0,418*** (0,071)
Качество образования		–0,832*** (0,133)				–0,761*** (0,133)
Качество медицины		–0,341*** (0,132)				–0,149 (0,144)
Безопасность		–0,462** (0,194)				–0,236 (0,208)
Можно найти работу без связей		–0,750*** (0,155)				–0,534*** (0,167)

Продолжение табл. 4

Независимая переменная	Модели					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Можно открыть бизнес без связей		−0,754*** (0,138)				−0,730*** (0,147)
Лучше открыть свой бизнес			−0,070 (0,196)			
Пойти на госслужбу			−0,028 (0,216)			
Пойти работать в крупную компанию			0,454** (0,204)			0,516*** (0,147)
Пойти работать к родственникам			0,857** (0,338)			0,941*** (0,334)
Доверие				−0,531*** (0,117)		−0,232* (0,134)
Лучше иметь дело с родственниками				−0,564*** (0,127)		−0,399*** (0,189)
Слушаться старших и продолжать традиции				−0,550*** (0,146)		−0,499*** (0,170)
Традиции неважны					0,381 (0,238)	
Религия неважна					0,340** (0,164)	−0,051 (0,189)
Не человек современного мира					0,609*** (0,161)	0,205 (0,182)
Константа	3,021*** (0,358)	2,778*** (0,373)	1,382*** (0,349)	1,954*** (0,323)	1,251*** (0,305)	3,763*** (0,444)
Кол-во наблюдений	1 324	1 378	1 378	1 378	1 378	1 324

Окончание табл. 4

Независимая переменная	Модели					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Log Likelihood	–818,797	–805,835	–900,600	–881,774	–899,944	–730,916
Akaike Inf. Crit.	1 659,594	1 641,669	1 829,201	1 789,549	1 825,887	1 507,832
Pseudo R-squared	0,178	0,253	0,194	0,114	0,095	0,314

Примечания: 1) в скобках указаны стандартные ошибки оценок коэффициентов;
2) * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Источник: собственные вычисления автора.

упомянутых в обзоре литературы работах, оказались значимыми) мнение о том, как развивается регион, влияет на готовность из него уехать. При добавлении других значимых переменных в регрессии 6 данная переменная остается значимой. Такой результат получен для всех возрастных групп.

Несколько иные результаты получаются при добавлении в модели других переменных, связанных с социально-экономическим развитием региона. Все пять показателей, добавленных в модель 2, оказались статистически значимыми, однако в итоговой модели 6, которая, судя по значениям псевдо-R-квадрата, является наиболее точной, переменные, связанные с уровнем медицины и безопасностью, перестали оказывать влияние на *migrate*. В то же самое время негативная оценка качества институциональной среды и образования в регионе значительно повышает вероятность того, что респондент скорее предпочтет уехать из него. Между возрастными группами различия наблюдаются в вопросах безопасности и возможности найти хорошую работу (эти факторы, как показано в табл. 5, значимы на 5%-м уровне только для наиболее молодой когорты респондентов).

Что касается переменных, связанных с возможными альтернативами трудоустройства, то, как и предполагалось после обзора литературы, устойчиво значимым оказался показатель, отражающий желание работать в крупной компании. При этом положительно повлияла на предпочтения в отношении миграции также переменная, описы-

Таблица 5

Модели 2 и 6 для разных возрастных когорт (зависимая переменная – *migrate*)

Независимая переменная	Модели					
	(2) 18–34	(2) 35–54	(2) 55+	(6) 18–34	(6) 35–54	(6) 55+
Безопасность	–1,002*** (0,365)	–0,106 (0,270)	–0,582 (0,498)	–0,954** (0,403)	0,158 (0,288)	–1,059* (0,623)
Можно найти работу без связей	–0,917*** (0,257)	–0,451* (0,237)	–1,162*** (0,384)	–0,808*** (0,280)	–0,282 (0,261)	–0,801* (0,437)

Примечания: 1) в скобках указаны стандартные ошибки оценок коэффициентов;
2) * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Источник: собственные вычисления автора.

вающая желание работать у родственников. Выбор иных альтернатив (бизнес или госслужба) не коррелирует с миграционным поведением. Стоит заметить, что среди возрастных когорт, как видно из табл. 6, данные факторы не являются значимыми у респондентов 35–54 лет.

Другими факторами, влияющими на предпочтения в отношении отъезда из региона, являются бондинговый социальный капитал и де-

Таблица 6

Модели 3 и 6 для разных возрастных когорт (зависимая переменная – *migrate*)

Независимая переменная	Модели					
	(3) 18–34	(3) 35–54	(3) 55+	(6) 18–34	(6) 35–54	(6) 55+
Пойти работать в крупную компанию	0,931** (0,381)	0,435 (0,317)	0,020 (0,385)	0,639** (0,274)	0,361 (0,227)	0,554* (0,315)
Пойти работать к родственникам	1,357** (0,600)	0,592 (0,510)	0,913 (0,753)	1,342** (0,619)	0,513 (0,494)	1,551** (0,741)

Примечания: 1) в скобках указаны стандартные ошибки оценок коэффициентов;
2) * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$.

Источник: собственные вычисления автора.

кларирование традиционалистского набора ценностей. Однако по этим вопросам между возрастными когортами наблюдаются существенные различия. Для выборки в целом и предпочтительность работы с родственниками, и мнение о важности традиций негативно влияют на показатель *migrate*. Но при анализе значимости на уровне возрастных когорт (табл. 7) заметно, что бондинговый социальный капитал влияет на миграционные настроения только у наиболее пожилых респондентов, которые наименее склонны мигрировать, тогда как показатель традиционности негативно влияет на желание уехать в большей степени лишь у молодых респондентов. Что касается обобщенного доверия, то при добавлении всех переменных влияние открытого социального капитала на миграционные настроения остается значимым лишь на уровне 10%, однако переменная значима для информантов младше 35 лет.

Незначимыми в итоге оказались и все переменные, связанные с общественными предпочтениями: ни на общей выборке, ни среди возрастных когорт ни одно потенциально конфликтное воззрение не оказало значимого влияния на желание уехать из региона.

Таблица 7

Модели 4 и 6 для разных возрастных когорт (зависимая переменная – *migrate*)

Независимая переменная	Модели					
	(4) 18–34	(4) 35–54	(4) 55+	(6) 18–34	(6) 35–54	(6) 55+
Доверие	–0,758*** (0,204)	–0,404** (0,178)	–0,514** (0,258)	–0,557** (0,240)	0,034 (0,209)	–0,033 (0,321)
Лучше иметь дело с родственниками	–0,400* (0,231)	–0,331* (0,195)	–1,260*** (0,389)	–0,151 (0,280)	–0,207 (0,224)	–1,313*** (0,328)
Слушаться старших и продолжать традиции	–0,773*** (0,233)	–0,550** (0,262)	–0,328 (0,292)	–0,621** (0,286)	–0,519* (0,309)	–0,669* (0,358)

Примечания: 1) в скобках указаны стандартные ошибки оценок коэффициентов; 2) * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Источник: собственные вычисления автора.

Если говорить о контрольных переменных, то значимыми оказались показатели возраста (чем моложе респондент, тем больше вероятность, что он хочет уехать), а также дохода (низкий уровень дохода и его снижение тоже вызывают миграционные настроения). Несколько более склонны к миграции жители Кабардино-Балкарии, хотя данный результат оказался неустойчив. Значимых различий, связанных с полом, местом жительства и статусом занятости, выявлено не было.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И ВЫВОДЫ

Что говорят полученные результаты в разрезе выдвинутых гипотез? Имеющиеся данные позволяют лишь *частично принять* гипотезу 1. Действительно, даже при контроле на уровень дохода (который, впрочем, в отличие от выводов в статье Г. Де Йонга [16], оказался значимым фактором) некоторые переменные, связанные с удовлетворенностью развитием региона, оказывают влияние на желание мигрировать в другой регион. Однако значимыми оказались именно те показатели, которые наиболее связаны с перспективами проживания в родном регионе, а именно с оценкой динамики его развития, с возможностями по накоплению и реализации человеческого капитала, а также с качеством институциональной среды. При этом влияние качества медицинской системы на готовность уехать при добавлении всех переменных не является значимым, а показатель, связанный с безопасностью, значим лишь для респондентов младше 35 лет. Объяснить это можно тем, что миграционные настроения, как предсказывает «мотивационная теория», вызваны недостатком подходящих условий для профессионального и карьерного развития. Качество системы здравоохранения в этом контексте скорее не может повлиять на решения молодого человека. Плохое экономическое состояние региона, низкое качество системы образования и институтов, напротив, делают возможность самореализации в регионе затруднительной. Характерно, что именно эти показатели при добавлении их в экономические модели наиболее существенно увеличивают коэффициент детерминации, что говорит об их особой важности.

Относительно гипотезы 2 можно однозначно сказать, что она *принимается*. Действительно, те, кто считает оптимальной карьерой работу в крупной компании, не имеют возможности реализовать свои

стремления на Северном Кавказе, что стимулирует их миграционные настроения. Характерно, что данный эффект наблюдается даже при контроле на показатель, отражающий возможность найти в регионе хорошую работу без денег и связей, что указывает на то, что дело не только в клановости, из-за которой действительно сложно найти хорошую вакансию без помощи друзей и родственников, но и в отсутствии желаемых рабочих мест в принципе. Подобного рода эффекты не наблюдаются у тех, кто бы посоветовал открыть бизнес или пойти на госслужбу, что говорит о том, что такого рода карьерные перспективы в Дагестане и Кабардино-Балкарии более реализуемы. Интересным результатом является то, что те, кто бы посоветовал найти работу у родственников, также скорее посоветуют уехать в другой регион. Объяснить это можно тем, что, как показало исследование миграции северокавказцев в Астрахань [2], для них типична адаптация в принимающем сообществе с помощью родственников, которые содействуют им в поиске жилья и работы. Значит, для тех, кто предпочитает работу у родственников, идея переезда в новый город может сопровождаться ожиданиями реализации оптимальной, на их взгляд, карьерной стратегии.

Гипотеза 3, как и гипотеза 1, может быть *принята лишь частично*. Действительно, социальный капитал оказывает влияние на миграционные настроения, однако этот эффект различается у разных возрастных когорт. Так, у самой молодой когорты отрицательное влияние на готовность мигрировать оказывает обобщенное доверие, а у более пожилой когорты – доверие к родственникам. Объяснить это можно также в рамках «мотивационной теории»: крепкие социальные связи (родственники у более пожилых, друзья у более молодых) являются ресурсом, который может создавать стимул оставаться в своем родном регионе.

Что касается гипотезы 4, то она *частично подтвердилась*. Мнение о том, что молодежь должна слушаться старших и соблюдать традиции, сильно отрицательно коррелирует с мнением о том, что из региона лучше уехать, особенно у молодежи. В то же самое время показатель, выраженный через более декларативный вопрос о важности традиций лично для респондента, оказался никак не связан с показателем *migrate*. Скорее всего, это обусловлено тем, что на решение

о миграции влияют внутренние предпочтения человека (которые лучше оцениваются через непрямой вопрос), а не то, готов ли он себя ассоциировать с традиционными нормами и правилами, распространенными в обществе.

Полностью отвергнутой оказалась гипотеза 5. Ни один из показателей, связанных с соотношением себя с общественными взглядами, распространенными в Дагестане и Кабардино-Балкарии, не оказался значимым. Это говорит о том, что даже если у респондента взгляды на распространенные в регионе традиционные регуляторы, на религию или на модернизацию северокавказского общества отличаются от взглядов большинства, это не стимулирует у него миграционные настроения. Значит, несмотря на наличие в регионе определенной традиции миграции, вызванной политическими причинами [17]⁶, для опрошенных ценностные причины не являются ключевыми при формировании мнения о миграции.

Рассуждая о выводах, стоит иметь в виду, что выявленные факторы – далеко не единственные, которые могут влиять на миграционные настроения северокавказцев. Об этом свидетельствует псевдо-R-квадрат у модели 6, который равен 0,314. Данный не очень высокий результат подтверждает имеющуюся критику исследований миграционных настроений: подобного рода решения часто связаны с личными жизненными траекториями, которые крайне сложно оценить с помощью количественных методов. Дальнейшие исследования, в которых выявленные в настоящей статье факторы миграционного поведения контролируются на особую «мигрантскую культуру» и наличие у респондентов ресурсов для адаптации в новом сообществе, могли бы дополнить дискуссию о миграционном поведении.

Тем не менее уже имеющиеся результаты дают существенную информацию о том, что определяет готовность жителей Северного Кавказа мигрировать из своего региона. Помимо уровня дохода и возраста (более молодые и менее состоятельные, как и показывает теория, более склонны поддерживать идею переезда), ключевым факто-

⁶ Стоит, впрочем, отметить тот факт, что в основном подобного рода миграция характерна для Чеченской Республики, а не для регионов, в которых был проведен опрос.

ром оказалось социоэкономическое положение региона. Невозможность накопить качественный человеческий капитал, а также его реализовать, работая в крупной компании, общее недовольство развитием региона и состоянием его институциональной среды тесно связаны с присутствием у респондента миграционных настроений. Кроме того, личные факторы, связанные с наличием социального капитала как вне, так и внутри региона, а также с наличием традиционных поведенческих установок, также влияют на готовность к отъезду из региона: большие консервативность и крепость родственных связей могут удерживать респондента от переезда. Это значит, что первичная причина миграции с Северного Кавказа – именно невозможность реализации себя в регионе и худшие карьерные перспективы по сравнению с другими российскими регионами.

С учетом масштаба тех экономических проблем, с которыми сталкиваются северокавказские республики, а также естественного прироста населения, из-за которого регион еще долго будет оставаться трудоизбыточным, кажется маловероятным (вне зависимости от экономической и социальной политики), чтобы в краткосрочном периоде отток рабочей силы (в особенности высококвалифицированной) с Северного Кавказа прекратился. Однако имеющиеся данные позволяют предположить, что при улучшении качества образования и государственного управления, а также при достижении большего равенства возможностей (до которого, судя по тому, что 60% респондентов не верят, что можно открыть бизнес или найти хорошую работу без связей, далеко) поток мигрантов с Северного Кавказа может существенно уменьшиться. Кроме того, динамичное экономическое развитие позволит создать рабочие места, которые подтолкнут жителей Северного Кавказа к тому, чтобы оставаться в регионе. Так, уже имеющиеся свидетельства из проведенного автором полевого исследования говорят о том, что в дагестанские села, ставшие туристическими центрами, зачастую возвращаются те, кто уехал из них много лет назад. Негативная экономическая динамика, напротив, может усилить миграционные процессы.

*Статья отражает результаты исследований, выполненных в рамках
НИР государственного задания РАНХиГС*

Список источников

1. Богомолова Т.Ю., Глазырина И.П., Сидоренко Н.Л. Приграничье Востока России: миграционные настроения студенческой молодежи // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 4 (80). – С. 154–173.
2. Казенин К.И., Стародубровская И.В. Дагестанские мигранты в Астрахани: опыт исследования интеграции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 4. – С. 405–428. DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1901.
3. Корепина Т.А., Леонидова Г.В. Образовательные факторы миграции населения (на примере Вологодской области) // Социальное пространство. – 2018. – № 2 (14). – С. 1–11. DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.2.
4. Кудаева М., Редозубов И. Влияние миграционных потоков на экономическую активность и рынок труда России в целом и региональном аспекте / Банк России. – М., 2021. – 45 с.
5. Кутовая С.В. Миграционные настроения населения Еврейской автономной области // Социологические исследования. – 2014. – № 362 (6). – С. 134–136.
6. Мкртчян Н.В. Миграция на Северном Кавказе сквозь призму несовершенной статистики // Журнал исследований социальной политики. – 2019. – Т. 17, № 1. – С. 7–22. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-1-7-22.
7. Новиков К.Е. Миграционные настроения во Владимирской области в контексте проблем российской урбанизации // Социологический журнал. – 2014. – № 4. – С. 72–89.
8. Симонян Р.Х. Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 142 (6). – С. 313–326. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.16.
9. Стародубровская И.В., Зубаревич Н.В., Интигринова Т.П., Соколов Д.В. Северный Кавказ: модернизационный вызов. – М.: Дело, 2011. – 328 с.
10. Сченснович В. Миграционные процессы на Северном Кавказе (аналитический обзор) // Россия и мусульманский мир. – 2019. – № 4. – С. 23–38. DOI: 10.31249/rimm/2019.04.02.
11. Ashby N.J. Freedom and international migration // Southern Economic Journal. – 2010. – No. 1 (77). – P. 49–62. DOI: 10.4284/sej.2010.77.1.49.
12. Baudassé T., Bazillier R., Issifou I. Migration and institutions: exit and voice (from abroad)? // Journal of Economic Surveys. – 2018. – No. 3 (32). – P. 727–766. DOI: 10.1111/joes.12212.
13. Brugh R.F., McAleese S., Dicker P. Passing through – reasons why migrant doctors in Ireland plan to stay, return home or migrate onwards to new destination countries // Human Resources for Health. – 2016. – Vol. 14, No. 1. – P. 45–54.
14. Clark W.A.V., Lisowski W. Extending the human capital model of migration: The role of risk, place, and social capital in the migration decision // Population, Space and Place. – 2019. – Vol. 25, No. 4. – e2225. DOI: 10.1002/psp.2225.

15. *Czaika M., Bijak J., Prike T.* Migration decision-making and its key dimensions // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* – 2021. – Vol. 697, No. 1. – P. 15–31. DOI: 10.1177/00027162211052233.
16. *De Jong G.F.* Expectations, gender, and norms in migration decision-making // *Population studies.* – 2000. – Vol. 54, No. 3. – P. 307–319. DOI: 10.1080/713779089.
17. *Molodikova I.* Muslim refugees from Russia: do the Chechens bring their own “aul” from Chechnya to the EU? // *Muslim Minorities and the Refugee Crisis in Europe* / Ed. by K. Górák-Sosnowska, M. Pachocka and J. Misiuna. – Warsaw: SGH Publishing House, 2019. – P. 119–133.
18. *Sell R.R., Dejong G.F.* Toward a motivational theory of migration decision making // *Journal of Population.* – 1978. – Vol. 1, No. 4. – P. 313–335.
19. *Thompson M.* Migration decision-making: a geographical imaginations approach // *Area.* – 2017. – Vol. 49, No. 1. – P. 77–84. DOI: 10.1111/area.12292.
20. *Tucker C.M., Torres-Perreda P., Minnis A.M., Bautista-Arrendodo S.A.* Migration decision-making among Mexican youth: Individual, family, and community influences // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences.* – 2013. – Vol. 35, No. 1. – P. 61–84. DOI: 10.1177/0739986312458563.

Информация об авторе

Ситкевич Даниил Андреевич (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики Института прикладных экономических исследований РАНХиГС (117571, Москва, просп. Вернадского, 84, корп. 9); научный сотрудник лаборатории институционального анализа экономического факультета МГУ (119991, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 46). E-mail: Sitkevich@iep.ru.

DOI: 10.15372/REG20230206

Region: Economics & Sociology, 2023, No. 2 (118), p. 144–170

D.A. Sitkevich

THE ECONOMIC AND SOCIOCULTURAL FACTORS SHAPING MIGRATION ATTITUDES OF RESIDENTS IN THE NORTH CAUCASUS

The article examines migration attitudes in the North Caucasus republics, which are some of Russia's primary regions that lose population due to migra-

tion. The study aims to identify the economic and sociocultural factors that influence residents when it comes to relocating to another Russian constituent entity or country. We hypothesize that migration attitudes in the North Caucasus are linked to negative evaluations of the region's socio-economic development dynamics and cultural factors such as the level of trust, traditionalist views, and conformity.

To test these hypotheses, a representative telephone survey was conducted among 1,419 residents from Dagestan and Kabardino-Balkaria. The results of the regression analyses based on the data obtained demonstrate that the main factor influencing migration attitudes is socio-economic indicators associated with the possibility of self-fulfillment in the home region. Those who have a lower assessment of the quality of education and institutional environment in the region, when controlling for sociodemographic factors, were more likely to support leaving the North Caucasus. Willingness to relocate is directly related to the perception of working for a large company as an optimal life strategy, which is especially evident among young people. The analysis found that trust indicators (bonding social capital for elders and bridging social capital for youth) and traditionalist views of respondents are statistically significant and negatively affect migration attitudes. However, the analysis did not confirm the hypothesis regarding the influence of conformism and non-conformism.

The study's findings provide insight into the reasons behind North Caucasus residents' migration and identify primary potential measures to curb the outflow of skilled labor from the region.

Keywords: migration; migration attitudes; North Caucasus; institutional environment; sociocultural values; motivational theory

For citation: Sitkevich, D.A. (2023). Ekonomicheskie i sotsiokulturnye faktory migratsionnykh nastroyeniy zhitel'ey Severnogo Kavkaza [The economic and sociocultural factors shaping migration attitudes of residents in the North Caucasus]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (118), 144–170. DOI: 10.15372/REG20230206.

*The article reflects the results of research carried out within
the RANEPA government order*

References

1. *Bogomolova, T.Yu., I.P. Glazyrina & N.L. Sidorenko.* (2013). Prigranichnye Vos-toka Rossii: migratsionnye nastroyeniya studentcheskoy molodezhi [Eastern border-zones of Russia: student-age population's attitudes towards migration]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (80), 154–173.
2. *Kazenin, K.I. & I.V. Starodubrovskaya.* (2021). Dagestanskii migranty v Astrakhan: opyt issledovaniya integratsii [Daghestanian migrants in Astrakhan: a study of integration processes]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 4, 405–428. DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1901.
3. *Korepina, T.A. & G.V. Leonidova.* (2018). Obrazovatelnye faktory migratsii naseleniya (na primere Vologodskoy oblasti) [Educational factors in population migration (case study of the Vologda Oblast)]. Sotsialnoe prostranstvo [Social Area], 2 (14), 1–11. DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.2.
4. *Kudaeva, M. & I. Redozubov.* (2021). Vliyaniye migratsionnykh potokov na ekonomicheskuyu aktivnost i rynek truda Rossii v tselom i regionalnom aspekte [The Impact of Migration Flows on Economic Activity and the Labor Market of Russia in General and in the Regional Aspect]. Moscow, Bank of Russia, 45.
5. *Kutovaya, S.V.* (2014). Migratsionnye nastroyeniya naseleniya Evreyskoy avtonomnoy oblasti [Migration attitudes of the population of the Jewish Autonomous Oblast]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research], 362 (6), 134–136.
6. *Mkrtychyan, N.V.* (2019). Migratsiya na Severnom Kavkaze skvoz prizmu neso-vershennoy statistiki [Migration in the North Caucasus and the accuracy of statistics]. Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki [Journal of Social Policy Studies], Vol. 17, No. 1, 7–22. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-1-7-22.
7. *Novikov, K.E.* (2014). Migratsionnye nastroyeniya vo Vladimirskoy oblasti v kontekste problem rossiyskoy urbanizatsii [Migratory intentions in Vladimirskaya oblast in the perspective of Russian urbanization]. Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal], 4, 72–89.
8. *Simonyan, R.Kh.* (2017). Migratsionnye nastroyeniya rossiyskoy molodezhi: regionalnyy aspekt [Migration moods of the Russian youth: a regional dimension]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 142 (6), 313–326. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.16.
9. *Starodubrovskaya, I.V., N.V. Zubarevich, T.P. Intigrinova & D.V. Sokolov.* (2011). Severnyy Kavkaz: modernizatsionnyy vyzov [The North Caucasus: A Modernization Challenge]. Moscow, Delo Publ., 328.
10. *Schensnovich, V.* (2019). Migratsionnye protsessy na Severnom Kavkaze (analiticheskiy obzor) [Migration processes in the North Caucasus (analytical review)]. Rossiya i musulmanskiy mir [Russia and the Moslem world], 4, 23–38. DOI: 10.31249/rimm/2019.04.02.
11. *Ashby, N.J.* (2010). Freedom and international migration. Southern Economic Journal, 1 (77), 49–62. DOI: 10.4284/sej.2010.77.1.49.

12. *Baudassé, T., R. Bazillier & I. Issifou.* (2018). Migration and institutions: exit and voice (from abroad)? *Journal of Economic Surveys*, 3 (32), 727–766. DOI: 10.1111/joes.12212.
13. *Brugha, R.F., S. McAleese & P. Dicker.* (2016). Passing through – reasons why migrant doctors in Ireland plan to stay, return home or migrate onwards to new destination countries. *Human Resources for Health*, Vol. 14, No. 1, 45–54.
14. *Clark, W.A.V. & W. Lisowski.* (2019). Extending the human capital model of migration: The role of risk, place, and social capital in the migration decision. *Population, Space and Place*, Vol. 25, No. 4, e2225. DOI: 10.1002/psp.2225.
15. *Czaika, M., J. Bijak & T. Prike.* (2021). Migration decision-making and its key dimensions. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, Vol. 697, No. 1, 15–31. DOI: 10.1177/00027162211052233.
16. *De Jong, G.F.* (2000). Expectations, gender, and norms in migration decision-making. *Population Studies*, Vol. 54, No. 3, 307–319. DOI: 10.1080/713779089.
17. *Molodikova, I.* (2019). Muslim refugees from Russia: do the Chechens bring their own “aul” from Chechnya to the EU? In: K. Górak-Sosnowska, M. Pachocka & J. Misiuna (Eds.). *Muslim Minorities and the Refugee Crisis in Europe*. Warsaw, SGH Publishing House, 119–133.
18. *Sell, R.R. & G.F. Dejong.* (1978). Toward a motivational theory of migration decision making. *Journal of Population*, Vol. 1, No. 4, 313–335.
19. *Thompson, M.* (2017). Migration decision-making: a geographical imaginations approach. *Area*, Vol. 49, No. 1, 77–84. DOI: 10.1111/area.12292
20. *Tucker, C.M., P. Torres-Perreda, A.M. Minnis & S.A. Bautista-Arrendodo.* (2013). Migration decision-making among Mexican youth: Individual, family, and community influences. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, Vol. 35, No. 1, 61–84. DOI: 10.1177/0739986312458563.

About Author

Sitkevich, Daniil Andreevich (Moscow, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Researcher at the Center for Regional and Urban Studies, Institute of Applied Economic Research, RANEPa (bld. 9, 84, Vernadsky Ave., Moscow, 117571); Researcher at Laboratory for Institutional Analysis, Faculty of Economics, Moscow State University (bld. 46, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991). E-mail: Sitkevich@iep.ru.

Поступила в редколлегию 31.08.2022.

После доработки 13.10.2022.

Принята к публикации 17.10.2022.

© Ситкевич Д.А., 2023